USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. OLDEROGGE, Corresponding Member
of the USSR
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1968

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

А. Г. Шпринцин

О РУССКО-КИТАЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В 1957 г. во втором (22) номере журнала «Przeglad Orientalistyczny», издаваемом в Варшаве Обществом польских востоковедов, была напечатана статья Алины Яблонской «Смешанный китайско-русский язык в Маньчжурии»[1]. Эта работа является последней по времени в довольно длинном перечне статей и заметок о смешанной китайско-русской речи, опубликованных на протяжении почти полутора столетий[2]. К сожалению, статья А. Яблонской при всех ее достоинствах не решает проблемы смешанной китайско-русской речи даже в чисто описательном плане. Таким образом, китайско-русский диалект[3], несмотря на длительную историю его существования и на то, что он неоднократно привлекал внимание специалистов по общему языкознанию, представляя в этом отношении исключительный интерес, до сих пор научно не описан[4].

Имеющиеся в литературе сведения о китайско-русском диалекте сводятся к случайным, отрывочным сообщениям путешественников или к несистематизированным замечаниям языковедов, как правило русистов, о тех или иных частных особенностях диалекта. Приводимые в этих публикациях примеры речи на диалекте малоудовлетворительны. Они случайны, записаны неточно, порой из вторых рук, не систематизированы и зачастую просто недостоверны. Научная ценность таких материалов незначительна, потому что авторы подобных работ не различают особенности устойчивые, массовые, свойственные диалекту как таковому, и особенности случайные, индивидуальные. Либо же, что еще хуже, путают диалект с обычными неправильностями русской речи, свойственными лицам данной национальности, плохо владеющим рус-

---

[1] A. Jabłońska, *Jeżyk mieszany chińsko-rosyjski w Mandzurii,* — «Przeglad Orientalistyczny», 1957, № 2(22), str. 157—168.

[2] Первая заметка была опубликована в журналах: «Московский телеграф», 1831, № 21, отдел «Смесь», «Письмо из Кяхты»; «Журнал Министерства народного просвещения», июнь 1835, стр. 567.

[3] Мы пользуемся названием «китайско-русский диалект», ниже — просто «диалект», отнюдь не в качестве терминологического наименования, а потому что это название широко распространено в русской литературе вопроса.

[4] И. А. Бодуэн де Куртенэ, *О смешанном характере всех языков,* 1901; А. И. Томсон, *Общее языкознание,* Одесса, 1906, стр. 362; П. С. Кузнецов, Примечания к книге: Ж. Вандриес, *Язык,* М., 1937, стр. 302; А. А. Реформатский, *Введение в языкознание,* М., 1967, стр. 520.

ским языком. Наконец, некоторые авторы, в их числе и А. Яблонская, смешивают такие разного порядка явления, как китайско-русский диалект и обычные при языковых контактах словарные заимствования, в данном случае русских слов в китайскую речь и наоборот.

От предшествующих публикаций работа А. Яблонской выгодно отличается тем, что она написана лингвистом-китаеведом[5], способным учитывать в своем анализе данные общего языкознания и факты китайского языка, что позволило автору сделать интересные наблюдения и заслуживающие внимания выводы. Нельзя того же сказать о степени владения А. Яблонской материалами русского языка, и этот недостаток привел ее к ряду неверных суждений и к ошибкам в истолковании существенных языковых фактов. Кроме того, А. Яблонская, судя по всему, не знакома с работами предшественников, и в силу этого в ее статье отсутствует необходимая историческая и географическая перспектива[6]. Вот почему эта статья, несмотря на все ее плюсы, все же не дает представления о системе китайско-русского диалекта в целом.

Между тем систематическое описание китайско-русского диалекта вполне осуществимо, для этого еще 35 лет тому назад была собрана необходимая и достаточно полная лингвистическая документация. Анализ этой документации и характеристика основных особенностей китайско-русского диалекта и составляют содержание нашей статьи, предлагаемой вниманию читателя.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

В 1929 г. этнологическая секция Тихоокеанского комитета Академии наук СССР, председателем которой был известный советский китаевед акад. В. М. Алексеев, включила изучение китайско-русского диалекта в план своих работ, поручив это исследование автору настоящей статьи[7]. Видя конечную задачу намечаемого исследования в том, чтобы ввести данные диалекта в научный оборот общего языкознания, акад. В. М. Алексеев справедливо полагал, что подобная работа является сугубо синологическим предприятием, так как адекватное описание диалекта может быть получено только в результате исследовательской деятельности китаеведа-лингвиста. Намеченная в 1929 г. программа работ предусматривала сбор языкового материала и последующую его обработку в виде специальной монографии. Основные данные были собраны за период 1929—1930 гг., а обработка их была начата осенью 1930 г. в китайском кабинете незадолго перед этим созданного Института востоковедения АН СССР[8].

В силу ряда обстоятельств обработка собранных материалов осталась незавершенной, но сами материалы, за исключением фонографических валиков и словарной картотеки, по-видимому погибших в годы

---

[5] Из китаеведов о диалекте писал С. А. Врубель, *Русско-китайские языковые скрещения,*— «Культура и письменность Востока», сб. VII—VIII, М., 1931, стр. 131—140. См. также наш критический разбор этой статьи: А. Г. Шпринцин, *Китайско-русский диалект в освещении С. А. Врубеля,*— «Революция и письменность», М., 1932, № 1—2, стр. 103—118.

[6] Критические замечания можно высказать по поводу социально-исторических обобщений А. Яблонской, но мы их сейчас не касаемся, так как эту сторону проблемы мы рассматриваем в специальной статье.

[7] О начале исследования и о первых результатах проделанной работы см.: «Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г.», т. I, стр. 253; то же, «Отчет за 1930 г.», стр. 130.

[8] См. «Производственный план АН СССР за 1931 г.», Л., 1931, стр. 91.

блокады Ленинграда, выдержали превратности времени, почти полностью сохранились и могут служить основой научного описания китайско-русского диалекта.

К 1929 г., когда была начата работа, история китайско-русского диалекта насчитывала, если брать за исходную точку первые упоминания в печати, не менее 100 лет. Несомненно, что диалект возник намного раньше, вероятнее всего в начале XVIII в. в пограничном с Монголией г. Кяхте, ставшем после заключения русско-китайского Кяхтинского договора (1728 г.) центром торговли России с Китаем. Во всяком случае, в первых упоминаниях о диалекте описывается именно китайско-русское (с элементами монгольского) наречие, сложившееся и применявшееся при торговых сношениях в Кяхте, откуда диалект и получил свое первоначальное название «Кяхтинское китайское наречие русского языка», «Маймачинское наречие»[9]. Возникнув в Кяхте, китайско-русское наречие распространилось впоследствии на восток вдоль русско-китайской границы вплоть до Приамурья и Приморья, а с постройкой КВЖД — и вдоль линии железной дороги.

Классификационное положение разновидностей языка, подобных китайско-русскому далекту, до сих пор с определенностью не установлено: их считают либо продуктом языкового смешения, либо — другая крайность — не более как профессиональным жаргоном.

Доказательное суждение по этому вопросу требует детального изучения всех относящихся сюда данных. Требуется выяснить происхождение диалекта, его функцию и сферу применения, наконец, его строение, разумея под этим словарный состав, грамматические и фонетические особенности. Но, предваряя такое исследование, китайско-русский диалект можно было бы в первом приближении охарактеризовать как специальную и сугубо социальную форму речи, как особый социальный диалект русского языка, лингвистическое своеобразие которого заключается в том, что он сложился на почве контакта двух языков — русского и китайского. Известно также, что это «язык-посредник», вспомогательное, подсобное средство общения двух разноязычных групп, каждая из которых им пользовалась лишь для общения с носителями другого языка, но не внутри себя.

ОБЗОР СОБРАННЫХ ДАННЫХ

Описывая китайско-русский диалект, еще труднее, чем в обычных диалектологических исследованиях, установить границы изучаемого объекта, дифференцировав языковые факты и относящиеся к объекту

[9] С. Н. Черепанов, *Кяхтинское китайское наречие русского языка,* — «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1853 г.», т. 2, стр. 370—377. В статье довольно обстоятельно и с примерами отмечены особенности кяхтинского наречия. Автор указывает на стопятидесятилетнее к тому времени существование кяхтинского наречия (А. А. Александров, *Маймачинское наречие,* — «Русский филологический вестник», т. XII, 1884, стр. 260—264).

В связи со статьей Александрова в том же журнале (1884, т. XII, стр. 318—320) была опубликована заметка Г. Шухардта, известного, в частности, своими работами в области так называемых креольских языков. Г. Шухардт внес поправки в объяснения Александрова. (См. также «Маймачинское наречие», — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 35 (XVIII), 1896, стр. 381).

Иакинф Бичурин, объясняя в предисловии к книге «Китайская грамматика», 1835 г. (цит. по изданию 1908 г., Пекин, XIII), почему русские в Кяхте не изучали систематически китайский язык, писал: «Причина сему заключалась в том, что китайцы, употребляя при обращении с русскими исковерканное русское наречие, не в состоянии объяснить на оном и первых начал своего языка».

исследования и на факты, отношения к нему не имеющие. Поэтому перед наблюдателем стояла задача очень тщательного и строго документированного отбора языковых фактов, притом в количестве, позволяющем регистрировать особенности существенные и типические, отсеивая вместе с тем все единичное и случайное. 2500 карточек и свыше 300 страниц текстовых записей и комментариев, по-видимому, обеспечивали требуемую полноту первичных данных.

Основную и наиболее важную часть собранных материалов составляют записи свободной, как правило диалогической, речи, сделанные в условиях естественного речевого общения на диалекте вне какого-либо воздействия собирателя. Хотя такие записи не могли быть фонетически точными, однако они содержат вполне достоверные сведения о грамматических и лексических особенностях диалекта. Подобные записи разносились на карточки с пометами К (китаец) и Р (русский) и с кратким пояснением речевой ситуации. Другого рода данные, их можно было бы назвать экспериментальными, были получены путем специального опроса. Сюда относятся:

а) записи устного перевода с китайского языка отдельных слов и фраз;

б) запись отдельных слов и фраз, сделанная опрашиваемыми лицами, когда это было возможно, иероглифами или русскими буквами;

в) регистрация отдельных слов и предложений в фонетической транскрипции;

г) запись в фонетической транскрипции связных текстов разного размера и содержания: свободное высказывание, устный пересказ с китайского, перевод китайского текста.

Особого внимания заслуживают совершенно не описанные в литературе печатные свидетельства диалекта. Еще в 1853 г. С. Н. Черепанов упоминал в своей статье словари русского языка, написанные иероглифами [10], и, говоря сейчас о печатных свидетельствах диалекта, мы имеем в виду именно такие словари-разговорники. Разговорники эти, называемые по-китайски huaber [11], существенно отличаются от изданных в Китае разнообразных самоучителей русского языка: самоучители, как правило, печатались типографским способом и состояли из китайского текста (слова, фразеология), аналогичного ему русского текста и иероглифической транскрипции последнего. Такая транскрипция, и это очень важно, передавала не звучание русских слов, а их орфографическое написание. Например, sijiekalo — стекло, liekalisitewo — лекарство. В отличие от учебников разговорники печатались исключительно литографским путем, с досок, а текст их был сплошь иероглифическим и состоял из китайских слов и фраз, расположенных по тематическим категориям, и их русских эквивалентов в иероглифическом же написании [12]. Последнее отображало не орфографическое написание русских

---

[10] «Для изучения этого (русского.— *А. Ш.*) языка составлен словарь русских слов, написанных китайскими иероглифами. Отсюда произошли и укоренились те неправильности, которые отличают Кяхтинское наречие... За неизменность их на будущее ручаются словари, по китайскому способу книгопечатания, вырезанные на крепком дереве и отпечатанные для имеющих надобность учиться русскому языку» (С. Н. Черепанов, *Кяхтинское китайское наречие русского языка,* стр. 371).

[11] В нашей коллекции имеются две такие книжки: Qing-E-hui-huaju-quan; Zhong-E tong-su hua-ben. Здесь и везде дальше китайский текст дается в транскрипции китайским государственным алфавитом Hanyu Pinyin.

[12] Можно полагать, что книжки huaber продолжали многовековую китайскую традицию издания иноязычных словарей (см. работы Hirth'a об учрежденной при Минской династии переводческой школе и о словарях Hua-yi-yi-yu).

слов, а их звучание в китайском произношении, например, xigulo — стекло, ligasi — лекарство, sidayashina — настоящий.

Лексический состав разговорников довольно разнородный. В основном они фиксируют обиходную лексику с широким использованием русского просторечья, но в то же время содержат и слова чисто книжные, очевидно, заимствованные из каких-либо пособий по русскому языку (разум, законоведец, столбовая дорога, пророк). Наконец, и это самое главное, разговорники в отборе слов и фразеологии, равно как в выборе парадигматической формы слов, отображают именно особенности диалекта. Так, глаголы представлены здесь обычно не в форме инфинитива, а в той, в какой эта форма известна из устного общения. Например:

китайское слово	русское слово (диалект)	
qilai	sidawaiya	вставай
chuqu	wuheji	уходи
zouba	subajyi	ступай
	bajiaomu	пойдем
huiqu	nazaji	назад (возвращаться)

Примеры фразеологии:

Ni you xifur meiyou?	duoya madamu yexi	Ты женат?
Ni bu zhidao	jibie yizinaiya	Ты не знаешь
Wo bu nenggou	maya ni magu	Я не могу

Попутно с лингвистическими наблюдениями были сделаны фольклорные записи — шуточные рассказы, рифмованные подборки китайских и русских (диалект) слов, поговорки, каламбуры и т. п. Возникли эти устные произведения в китайской среде, язык их китайский, но содержание, как правило, отражает ситуацию, возникающую в связи с плохим знанием русского языка (диалекта). Любопытны случаи калькирования русских слов и особенно случаи народной этимологии, т. е. осмысления русских слов как китайских по ассоциации с фонетически сходными китайскими словосочетаниями [13].

Упомянем в связи с этим еще и материалы по китайской диалектологии. Изучение китайского языка в плане диалектологическом (шаньдунское тухуа и его местные особенности) было предпринято тремя годами позднее (1932—1934) в связи с работой по латинизации китайской письменности. А. А. Драгунов изучал тогда фонетические особенности северошаньдунских диалектов [14], тогда как автор настоящей статьи продолжал сбор материалов по лексике и фразеологии.

Такого рода данные, будучи в целом частью китайской диалектологии, могут объяснить ряд особенностей китайско-русского диалекта, скажем, выбор знаков при иероглифической записи слов диалекта. Например, транскрибирование первого слога в словах сахар, садись иероглифом, читающимся sha по-пекински, но sa по-шаньдунски. То же при транскрибировании последнего слога в слове 'хозяин' иероглифом, читающимся ren по-пекински, но yin по-шаньдунски. Другой пример: в числе китайского вклада в лексику диалекта имеется слово *латро* — 'старик', восходящее к китайскому laotour с эризованным последним слогом. Но «в шаньдунском диалекте эризованный элемент реализует-

[13] Например, слово «ничего», употреблявшееся в речи китайцев между собой в том же наречном значении «ничего себе», но с добавочным каламбурным осмыслением как китайской фразы Ni chi wo, т. е. «ты ешь меня».

[14] А. А. Драгунов, *Грамматическая система современного китайского языка*, Л., 1962, стр. 13 и далее.

ся в середине и даже в самом начале морфосиллабемы»[15]. Возможно, что это имеет место там, где китайский слог структурно состоит из инициали, представленной переднеязычным согласным, и финали — дифтонга. Например, tangdro монпансье' 'из tang dou. Отсюда в китайско-русском диалекте появилось *латро* из китайского laotour, но *лапыр* из китайского laopor.

Наконец, на отдельную картотеку (250 карточек) были вынесены записи своеобразной китайской речи, являющейся в меньшем масштабе аналогом китайско-русского диалекта. Явление это чрезвычайно любопытное и в специальной литературе, насколько нам известно, не описанное. А. Яблонская приводит несколько примеров подобной речи, но ошибочно относит их к китайско-русскому диалекту. Из наших наблюдений следует, что на таком неправильном китайском языке ведется диалог между китайцами и корейцами или между китайцами и русскими в тех случаях, когда предполагается, что некитаец понимает по-китайски. Например:

Китаец, продавая подержанную куртку корейцу: Не порвана, ты взгляни, ну совсем как новая; а где ты купишь новую?	Huaidi meiyou, nidi kan, xindi yigeyang; xindi ni shang nar maila youdi?
Я уже зарегистрировался. Ответ китайца русскому переводчику, спрашивавшему его по-китайски:	Wodi mingzidi guahaodi youdi.

Wo bu chou yan — Я не курю, сказал китаец в ответ на вопрос, заданный ему по-китайски, и тут же добавил, как бы приспосабливая свою речь к пониманию русского собеседника: wodi chouyandi meiyou.

Примеры А. Яблонской: Nidi shemma chifan you? Что ты ешь? при нормальном для китайского языка Ni chi shemma или Nidi shemma kankan? при нормальном для китайского языка Ni kan shemma?

В приведенных примерах все слова китайские, но оформление слов и их порядок китайскому языку не свойственные и, наоборот, характерные для китайско-русского диалекта, где, скажем, фраза Wodi chouyandi meiyou звучала бы примерно так: *мая гули нету.*

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Выше уже говорилось, что предлагаемая работа имеет сугубо описательный характер, являясь не более чем обзором данных по китайско-русскому диалекту и, в частности, обзором материалов исследований 1929—1930 гг. Все же и в этом случае представляется необходимым сделать обобщения, охарактеризовав некоторые особенности диалекта и отметив ряд проблем, возникающих в связи с анализом этого своеобразного языкового явления.

Общие проблемы. Теоретическое истолкование имеющихся данных должно в конечном итоге способствовать ответу минимум на два вопроса общего порядка: в какой мере, если это вообще имеет место, к китайско-русскому диалекту применимо определение «смешанный» (язык, диалект, наречие, говор)? Чем объясняется специфика грамматических особенностей диалекта, влиянием китайского языка или же

---

[15] Там же, стр. 31.

влиянием данной языковой ситуации, тенденцией к предельному языковому упрощению, действием правила «моя твоя не понимай»[16].

Анализа требуют и частные особенности диалекта, например вопрос о том, есть ли в диалекте фонологические закономерности или же ему свойственны только фонетические, акустико-артикуляторные.

Фонетические особенности. Описывая фонетические особенности диалекта, следует отметить два обстоятельства: 1) фонетические особенности присущи не всем пользующимся китайско-русским диалектом (при разговоре на диалекте русские сохраняют произношение, свойственное им в обычной речи), а количество «деформированных» слов, употребляемых в таком виде всеми носителями диалекта, весьма незначительно; 2) не все из многообразных фонетических особенностей диалекта в одинаковой мере существенны для характеристики его специфики. Известно, что фонетические различия между китайским и русским языком представлены как различиями в артикуляции тех или иных звуков [17], так и различиями в нормах сочетаемости звуков в слоге [18].

Различия первого рода (артикуляционные) диалект фиксирует субституцией звуков, и можно полагать, что, за исключением замены русского раскатистого Р, субституцию саму по себе следует относить не к специфике диалекта, а скорее к тому, что принято называть иностранным акцентом.

Различия в сочетаемости звуков, вызывающие более глубокие изменения, диалект фиксирует двояко: либо выпадением — отпадением согласного при их стечении в слоге:

челá-'вчера', *сýши*-'слушать', *éси*-'есть', *капýса*-'капуста' [19], либо же вставкой гласного в группу согласных и приставкой гласного в конце слога:

чáса-'час', *дóму*-'дом', *сóли*-'соль', *сóбукэ*-'сопка', *гулугóму*-'кругом'.

Нередко в одном слове, особенно многосложном, одновременно проявляются оба фонетических процесса, например, *лáбули*-'грабли', где налицо отпадение согласного, вставка главного, подстановка Л вместо Р. *Водзи* — 'гвоздь-гвозди', где налицо отпадение согласного в начале слова, замена губно-зубного В китайским полугласным W и замена палатализованных З и Д китайским среднеязычным J. Все это приводит к полной перестройке фонетической структуры русского слова, превращая его в этом отношении в сочетание слогов, структуры, свойственной китайскому языку. Для диалекта как такового существенно именно то, что перестраивает структуру слова, тогда как субституция играет в этом отношении второстепенную роль.

Сказанное выше важно еще потому, что фонетическая структура во многом влияет на состав лексики диалекта: выбор того или иного слова либо же той или иной формы слова из нескольких возможных опреде-

---

[16] В. А. Звегинцев, *Очерки по общему языкознанию,* М., 1962, стр. 227—228, 231 и сл.

[17] Так, в области консонантизма для русского языка характерно противопоставление по звонкости-глухости, а для китайского языка — по придыхательности-непридыхательности. Некоторые русские согласные, например В-З-Р, в китайском языке вообще отсутствуют.

[18] Для русского языка характерна почти неограниченная сочетаемость при широком использовании стечения согласных в слоге и при наличии закрытых слогов, оканчивающихся на любой согласный. Для китайского языка характерна крайне ограниченная сочетаемость звуков при невозможности стечения согласных в слоге и наличии всего двух типов закрытых слогов (+n и +ng). В совокупности это, как известно, обусловливает специфическую структуру китайского слога и ограниченное количество их типов.

[19] Здесь и, как правило, везде дальше мы для большей наглядности передаем слова диалекта в приблизительной русской транскрипции с обозначением ударения.

ляется тем, удовлетворяет ли данная форма указанным фонетическим условиям. Например:

норма	вошло в диалект
имя сущ.	
человек, люди	*люди* (для ед. и мн. числа)
конец, конца и т. д.	конец в форме *канéца*
имя прилаг.	
плохой, худой	*хýда*, реже *худóй*
лич. местоим.	
он, она, их, им, его, ее	его в форме *ивó*
вопросит. местоим.	
кто, кого, кому, кем и т. д.	кому в форме *камý*
что, чего, чем и т. д.	чего в форме *чивó*
числит.	
один, одна, одно	один в форме *адúн*
сто, двести, триста и т. д.	*сóта*, *адин сóта*, *дыва сóта*
наречия	
где, куда	*кýда*
здесь, сюда	*сю́да*

Монографическое описание диалекта должно содержать детальный анализ отмеченных фонетических процессов и особенностей. Важно, например, выяснить, подчиняется ли определенным закономерностям использование того или иного из указанных процессов.

Почему, скажем, при стечении согласных в одних случаях происходит вставка гласного (эпентез), а в других случаях выпадение согласного (диэрез), например, слово 'слушай' преобразуется в *сýши,* а слово 'ключ' преобразуется в *гэлю́чи*?

Почему из группы согласных выпадает тот, а не другой согласный звук? Какие именно гласные употребляются при эпентезе и от чего в том или ином случае зависит выбор того или иного добавочного гласного? [20]

Какова роль силового ударения в образовании так называемых усеченных слов, например:

бáсы — паспорт, *чэ́ди* — четверть, *абидзàти* — обязательно, где отпадает или сокращается послеударная часть слова.

В 1930 г. влияние тональной системы китайского языка на фонетику диалекта не изучалось, и данных по этому вопросу в нашем распоряжении не имеется. А. Яблонская[21], хотя и с оговорками, полагает, что в речи китайцев на диалекте слова тонально обозначены, в частности, отчетливо выражен третий китайский тон. Концепция А. Яблонской вызывает возражения, а приводимый ею единственный пример неубедителен и основан на неправильном истолковании лингвистических фактов.

Глагол 'хотеть' в диалекте употребляется в форме 'хочу' с ударением на первом слоге. По мнению А. Яблонской, смещение ударения на первый слог и связанный с этим переход от аканья к оканью (*хóчу* вм.

---

[20] Как правило, гласные, разъединяющие группу согласных и преобразующие закрытый слог в открытый, представлены редуцированными а, у, и. Можно предполагать, что выбор того или иного из этих гласных обусловлен как характером основного гласного слога, так и характером согласного, предшествующего данному гласному. Например, *сáму* — сам, *лýбули* — рубль.

[21] A. Jabłońska, *Jeżyk mieszany...*, str. 160—161.

хачу́) объясняются влиянием третьего тона, под которым китайцы якобы произносят первый слог упомянутого русского слова (hao[3]), возможно, даже этимологизируя русское слово как китайское hao³chu — 'польза'. Дело, однако, здесь не в китайской тональности, а в том, что глагол 'хотеть' не имеет повелительного наклонения, этой основной глагольной формы диалекта. Следующей по распространенности является форма 2-го лица единственного числа настоящего времени (хочешь — не хочешь, как хочешь, почем хочешь), где ударение приходится на первый слог. А то, что лексической основой диалекта является русское просторечие, где широко используются формы 'хо́чем, хо́чете, хо́чут', поддерживает употребление именно формы *хо́чу*.

Грамматические особенности. Некоторые исследователи[22] считают, что языковые разновидности типа китайско-русского диалекта характеризуются только специфическим составом своей лексики и не имеют своих особенностей в области фонетики и грамматики.

Материал китайско-русского диалекта не подтверждает эту точку зрения: из предшествующего изложения видно, что диалекту свойственны определенные фонетические особенности. Ниже мы приведем в кратком изложении данные, характеризующие специфику грамматических особенностей диалекта.

Его главной грамматической особенностью является полное отсутствие форм словоизменения. Это значит, что применительно к диалекту нельзя говорить о словах склоняемых, спрягаемых и изменяющихся по родам и числам. По общему правилу каждое слово диалекта, будь то существительное, прилагательное, местоимение или глагол, имеет всего одну форму[23], выбор которой определяется разными обстоятельствами, например фонетической структурой слова (см. выше), условиями общения и т. д.

Другой важной особенностью является отсутствие в диалекте служебных слов — союзов, предлогов, частиц, и это, естественно, сказывается на построении предложений, например:

мáя вадá ни давáй маѝ чивó гуши	Если я не буду возить воду, то с чего я буду жить
тибé мадáму éси пачиня́й мáла-мáла	Если у тебя есть жена, то пусть немного починит.

В ряде случаев вместо служебных слов употребляются знаменательные. Например, в диалекте имеется наречие 'как' (*кака живи* — 'как живешь'), но отсутствует союз 'как', в функции которого выступает слово *адинáка,* происходящее из русского наречия 'одинаково' и, очевидно, являющееся калькой китайского слова yigeyang': *сáхала адинáка* — 'сладкое, как сахар'.

Вместо союза С или словосочетания вместе с... употребляется слово *ганьбáньди,* происходящее из русского 'в компании с...', например: *нáша ивó ганьбáнди лаобóдай* — я работаю вместе с ним[24].

Предлоги на, над, под, опускаются, например:

вагу́нъна хадѝ	поезжай на трамвае
тилéга таскáй	ношу на телегу.

Иногда вместо этих предлогов пользуются словами 'верх' и 'низ', например:

сóбука нѝзу живѝ	живу под сопкой.

[22] Р. А. Будагов, *Введение в науку о языке,* М., 1958, стр. 385.
[23] В отдельных случаях две: например, *твáя, тибé* ты *писáти, пишѝ* — писать.
[24] С. Е. Яхонтов (личное сообщение) возводит это слово к китайскому *genbandi.*

В силу морфологических (отсутствие падежных форм) и фонетических (отсутствие стечения согласных в слоге) условий диалект не фиксирует форм существительных с так называемыми беглыми гласными, например:

адйн мишбка	один мешок
2 мишбка	2 мешка
5 мишбка	5 мешков
замбка нётула	нет замка
дывá канёца	два конца.

Вопрос о наличии в диалекте специальных суффиксов существительных *-дза* и *-ка* очень спорен. А. Яблонская насчитывает три разряда таких суффиксальных образований (стр. 162):

а) корень с суффиксом или русским окончанием (kapitana, madama, maja)[25];

б) русский корень с китайским суффиксом (создано русскими) kupieza-'купец'+zi, ničimoza-'ничего'+zi;

в) русский корень с китайским суффиксом (создано китайцами)

gu-lie-cai	= огурец + китайское cai (овощи)
ku-li-cai	= курица + китайское cai (пища)
pa-la-wo-tsy	= паровоз + zi

Ошибочность этих предположений видна из следующего: в первом случае налицо не суффикс, а обычное добавление гласного к слогу, оканчивающемуся на согласный (см. выше). В третьем случае (огурец, курица) соединяются не корень с суффиксом, а два корня — русский и китайский — по обычному для китайского языка принципу определительной связи. Главное же то, что такие слова относятся не к китайско-русскому диалекту, а к явлениям местного диалекта китайского языка. См. ниже в разделе о «скрещенных» русско-китайских словах в местном китайском диалекте, образованных сочетанием китайского слова (определяемое) и русского слова (определение).

Что касается слов типа *купёза,* то, на наш взгляд, здесь, как и в ряде других аналогичных слов, окончание *-дза* объясняется не морфологически, а фонетически. Дело в том, что все такие слова оканчиваются на переднеязычный согласный (т, д, с, з, ц), которые в китайском произношении переходят в аффрикату *z*:

купёдза	— купец	*мaрaдёдза*	— молодец
саодáдза	— солдат	*паравбдза*	— паровоз
парахбдза	— пароход	*дзавбдза*	— завод
падымё́дза	— подметка		

Происхождение суффикса *-ка* в словах типа *сынка*-'сын', *брáтка*-'брат', *рабóчка*-'рабочий' неясное. Любопытно, что этот суффикс прибавляется обычно к словам, относящимся к терминам родства или к так называемым Nomina agentis. Возможно поэтому суффикс *-ка* создан по аналогии со словами, обозначающими родственные отношения и оканчивающимися на *-ка:* мамка, тятька, батька, бабушка (в диалекте значит жена), дедушка, внучка, дочка, мужи́ка (в диалекте значит муж).

У имен прилагательных, так же как и у существительных, отсутствуют формы падежа. Формы рода и числа не различаются, но, как по-

[25] Транскрипция А. Яблонской.

казывают примеры прилагательных с ударением на окончании, во всех случаях употребления прилагательных используется форма единственного числа мужского рода, например:

балишόй вэйдалό	большое ведро
дылугόй лаобόда	другая работа
нилόй бадзинькэ	гнилые ботинки.

У прилагательных с ударением на основе окончание *-ый* опускается и вместо него произносится редуцированный гласный типа *ы*. При наличии в русском языке пары из прилагательного и наречия того же корня диалект удерживает только одну форму по большей части, но не обязательно наречную. Например, из пары 'хороший — хорошо' диалект удержал слово 'хорошо'(с ударением на последним слоге), например:

пилá хаэршό лаобόдай хаэршό

когда пила хорошая, то и работать хорошо.

Прилагательные относительные, образованные от существительных, заменяются этими существительными, например:

жылёдза дарόга	железная дорога
дзилибúчи дзавόдза	кирпичный завод
пабулόса гумáкэ	папиросная бумага
лúсыда жылёдза	листовое железо.

Притяжательные прилагательные в диалекте отсутствуют. Местоимений в китайско-русском диалекте довольно много, но подобно существительным и прилагательным они не имеют форм рода, числа и падежа. В общем, можно перечислить следующие местоимения, используемые в диалекте:

Личные. Первое лицо ед. и мн. числа — *мая,* реже *нáша;*

Второе лицо ед. и мн. числа — *твая, тибé, вáша;*

Третье лицо ед. и мн. числа — *ивό.*

Указательные. *Э́йда* (это), *ивό*, реже *такόй.* Местоимение *тот, та, то* отсутствуют.

Вопросительно-относительные. *Камý* для всех форм местоимений '*кто*' и '*чей*'; *чивό* для всех форм местоимения 'что'. Предложения типа кто — тот, что — то строятся по образцу китайских, например:

камý дзынáй камý сыкаджú	кто знает, тот и скажет
чивό хόчу чивό бирú	что хочешь, то и возьми.

Отрицательные местоимения. *Никамý* для слов никто, никого, ничей и т. д.

Определительные. *Сáм(у)* для всех форм местоимений 'сам, сама, само'; *исё* для слов 'весь, вся, все' и их производных. *Кáшина* для слова 'каждый'.

В китайско-русском диалекте глаголы обладают наибольшим числом характерных особенностей. Ниже указаны лишь самые главные из них.

1. Глаголы не имеют формы лица, числа и времени.

2. Основной, но не единственной глагольной формой является форма второго лица единственного числа повелительного наклонения. Распространению именно этой формы способствовало то, что преимущественным способом общения на диалекте является диалогическая речь с широким использованием просторечья, а в этих условиях обращение к собеседнику обычно выражено именно в форме второго лица ед. числа повелит. наклонения.

3. В диалекте весьма распространены аналитические глагольные формы, представленные сочетанием смыслового глагола в форме повелительного наклонения с вспомогательным глаголом *быть* (формы *éси, бýду*, реже *бы́ла*) или же слова 'надо'. Сочетание смыслового глагола с последующим словом *éси* может обозначать не только настоящее время, но также прошедшее и будущее, например:

нáша лаобóдай шúбка далêка éси	я работаю очень далеко
мая́ гэвалú éси, тибé шúбука	я говорил (что) тебе надо
ла́ньче пулишóла éси	прийти пораньше
мая́ дýму сивóнни канчáй éси	я думаю, что сегодня кончу.

Аналогичные отрицательные формы образуются с помощью слова 'нету' и сочетаний 'не буду, не надо'. Все они ставятся после смыслового глагола и, как правило, в конце предложения.

4. Исключительно широко используется формант *-ла*, наращиваемый на данную основную форму глагола, например:

канчáйла, берúла, ламáйла, пишúла, хóчула и даже *нéтула*. Последнее, очевидно, калька китайского meiyoula.

Это объясняется совмещением в форманте *-ла* русского суффикса *-л-* (в китайском произвошении *-ла*) с китайским видовременным показателем -la.

5. В речи китайцев на диалекте к русскому глаголу нередко прибавляется китайская модальная частица -ba, выражающая побуждение. Например:

берú-ба возьми.

Синтаксические особенности диалекта. В своей статье А. Яблонская в общем довольно правильно охарактеризовала синтаксические особенности диалекта. Строй предложения, как отмечает она, скорее всего китайский, т. е. решающим фактором является твердый порядок слов в предложении. В ряде случаев порядок слов иной, чем в китайском языке, но, как пишет А. Яблонская, китайцы придерживаются его даже во фразах, составленных на родном языке (см. приведенный выше пример Nidi shemma chifan you?) Здесь, очевидно, имеется в виду та до сих пор не получившая объяснения особенность, что вспомогательный глагол *бýду, éси* в утвердительных предложениях и отрицания *нéту, ни нáда* в отрицательных предложениях стоят после смыслового глагола, как правило, в самом конце предложения, например:

ивó шúбка канхóди хóчу;	он очень хочет работать
тибé хáди нáда, дылугóй	ты иди и не слушай, что
лю́ди гэвалú сухáла ни нáда;	говорят другие
пя́ти гóда ламáй нéту;	пять лет не испортится.

Лексические особенности. Существенные лексические особенности китайско-русского диалекта состоят, по представлению А. Яблонской, в следующем.

1. Словарный состав распадается на три части: а) русские слова, составляющие две трети всего состава лексики; б) китайские слова и в) специальные новообразования, составляющие вместе одну треть словарного состава диалекта.

2. Это, однако, не означает, что реальная речь на диалекте характеризуется такими же соотношениями, т. е. что в ней обязательно преобладают русские слова.

3. Для диалекта характерно наличие китайских и русских вариантов — синонимов, как пишет Яблонская, одного и того же слова, тот или иной из которых применяется в реальной речи в зависимости от ряда факторов, например: от степени знакомства с чужим языком, от способности восприятия и т. п. При этом, в противоположность ожидаемому, предложения с преобладанием русских слов употребляют не русские, а китайцы, тогда как предложениями с преобладанием китайских слов пользуются не китайцы, а русские. Объясняется это, по мнению А. Яблонской, тем, что «каждая из сторон стремится выражать свои мысли именно на чужом для себя языке, чтобы лучше быть понятой другой стороной» (стр. 166). Так, фраза «Как тебе не стыдно» может быть высказана:

а) с использованием только русских слов — Waša styna nietula[26];

б) с использованием только китайских слов — Nidi lansi meiju;

в) с использованием слов обоих языков — Nidi styna meiju.

Собранные нами языковые данные не дают оснований для подобных выводов, и такое расхождение в истолковании одного и того же явления (диалект в целом), очевидно, объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, чисто местными особенностями той разновидности диалекта, которую описывает Яблонская (Маньчжурия, Харбин); во-вторых, тем, что А. Яблонская, как уже упоминалось выше, не проводит различия между китайско-русским диалектом как таковым и аналогичной ему по своей структуре китайской речью, имеющей свою сферу применения. Лингвистически китайско-русский диалект противопоставляется общераспространенному русскому языку, а как объект исследования является частью русской диалектологии. Китайский же аналог диалекта противопоставляется общекитайскому разговорному языку и должен быть предметом исследования китайской диалектологии.

Собранные нами данные позволяют охарактеризовать лексику китайско-русского диалекта следующим образом.

1. Основу словарного состава китайско-русского диалекта составляет обиходно-бытовая лексика русского языка с широким использованием разговорно-просторечных форм и областных (сибирских) слов. Примеры областной лексики: шибко—очень, чушка—свинья, сопка—гора, ичиги — род обуви, катанки — валенки, заимка — хутор, небольшой поселок.

Примеры просторечья: тятька — отец, мамка — мать, помер — умер, корявый — рябой, пристать — устать, парнишка — мальчик, ладно — можно, худо — плохо, поганый — грязный, гостинец — подарок. Нередко просторечье сказывается и на фонетическом облике слов диалекта, например: *фатéла* — квартира, *гýфуня* — кухня, *гумáкэ* — бумага.

Здесь же можно упомянуть и так называемые семантические диалектизмы, т. е. употребление слов в значении, отличном от свойственного им в общераспространенном русском языке, например, *гулугóму,* из русского 'кругом — повсюду, везде'; *ламáй* обозначает все виды повреждений предметов, как-то: испорчен, порван, разбит, поломан.

2. Китайский вклад в лексику диалекта значительно меньше приводимой А. Яблонской цифры в 20—25 процентов. Нами зарегистрировано около 60 китайских слов[27], причем сюда входят и слова, отмеченные всего по одному разу. Число же китайских слов, широко употреб-

---

[26] Транскрипция А. Яблонской.

[27] А. П. Георгиевский приводит список всего в 13 слов. (См. А. П. Георгиевский, *Русские на Дальнем Востоке,* вып. 3. Русские говоры Приморья,— «Труды Дальневосточного государственного университета», сер. № 7, Владивосток, 1928, стр. 67—75 Русско-китайский диалект).

ляемых в диалекте (*маманьди* — погоди, *тунтун* — все, *канходи* — работать, *дошачен* — почем, *фангули* — вывалиться, упасть, *шима* — что и т. п.), намного меньше этой цифры.

3. Заметную роль в лексике диалекта играют заимствования типа калек, например:

сóнца-день, из китайского rizi

бáбушка-жена, из китайского laorог

чўшка-мяса-свинина, из китайского zhurou

кака фамили-как называется, из китайского jiao shemma mingzi

мáла-мала-немного, из китайского shaoshao.

Отметим несколько слов диалекта, которые А. Яблонская относит к словам неизвестного происхождения, но которые имеют своим источником областную лексику русского языка либо же китайский язык.

а) *Ушкан* — заяц. Приписывая этому слову неизвестное происхождение, А. Яблонская создает для него невероятную этимологию (стр. 162) предположительно из китайского u(piao)czen ke — безбилетный пассажир, т. е. заяц. На самом же деле все обстоит гораздо проще. Слово ушкан зарегистрировано как областное сибирское у Даля (т. IV, стр. 541); в словаре Ушакова (т. IV, стр. 1044) и в академическом «Словаре современного русского литературного языка» (т. 16, стр. 1175). В работе И. Н. Березина «Замечания о восточных словах в областном русском словаре» («Изв. Ак. наук», т. II, 1853, стр. 350), читаем: «Ушканчик, ушкан, Тат. тукшан, степной заяц».

б) *Карабчи* — стащить, украсть. По А. Яблонской, слово неизвестного происхождения, по А. П. Георгиевскому — китайское. Между тем слово карабчи в том же значении приведено в словаре Даля (т. II, стр. 90).

в) *Кантрами́* — умереть, умертвить. По объяснению акад. В. М. Алексеева (устное сообщение), это слово восходит к китайскому словосочетанию kan tour ma?, отрубить голову. Учитывая переход tour в tro см. выше) и, следовательно, kan tour ma в kantroma, это объяснение можно считать вполне правдоподобным.

г) *Шанго* — хороший, обычно в сочетании *шибко шанго* — очень хорошо. Русские считают это слово китайским, а китайцы — русским. Точное происхождение слова действительно неизвестно, но, по-видимому, оно восходит к китайскому shang hao в том же значении (см. П. С. Попов, *Русско-китайский словарь*, Пекин, 1896, стр. 225), лучший — *шангао*; см. также китайский алфавитный словарь («Hanyu pinyin cihui», Пекин, 1964, стр. 420).

В заключение этого раздела остановимся на одном явлении, хотя и не относящемся непосредственно к лексике китайско-русского диалекта, но в какой-то мере с ней связанном. Речь идет о заимствованиях русских слов в устную китайскую речь. Наблюдения показывают, что число подобных заимствований много больше приводимого в словарях и специальных работах[28]. В устную речь заимствуются не только слова — обозначения новых предметов, но зачастую и слова, для которых в китайском языке имеются свои соответствия, например: mashén, mashilí — машина, máxi — мастер, sidagáng — стакан, dúmu — думать. Любопытно, что последнее из указанных слов принимает китайские грамматические суффиксы, как-то: dúmuzho — думаю, dúmubuchulái — не придумаю.

---

[28] Например, книга Гао Мин-кая и Лю Чжэн-таня «Xiandai Hanyu wailaici yanjiu» («О заимствованных словах в современном китайском языке», Пекин, 1958); диалектологические сборники «Fangyan Yu Putonghua Jikan», вып. 2, 3 и 6, посвященные шаньдунским и северо-восточным диалектам.

Особо следует отметить заимствования, структура которых представляет собой сочетание китайского и русского слова — нередко синонимов, соединяемых по характерному для китайского языка принципу определительной связи, где русское слово является как бы определяющим и стоит на первом месте, а китайское слово, являющееся определяемым, стоит на втором месте. Примеры:

xiemuzir — аналог китайского kuihua zi-семечки, из русского сем(у) + + китайское zir семечки;

bazashir-базар, из русского база(р) + китайское shi — базар; qiong bazashir-барахолка;

subutang-суп, из русского суп + китайское tang — суп;

ilisitang-ирис, из русского ирис + китайское tang — сахар;

liebagar-сухари, из русского хлеб (*леба*) + китайское ganr, gar — сухой[29];

Shuiwozi-водовоз, из китайского shui — вода и русского воз.

Заканчивая на этом предварительное описание основных особенностей китайско-русского диалекта, не могу не вспомнить с чувством глубокой благодарности академика Василия Михайловича Алексеева, инициатора и руководителя исследования китайско-русского диалекта, а также талантливого китаеведа, преподавателя Московского государственного университета, безвременно скончавшегося в 1964 г. в Москве товарища Чжоу Сун-юаня, помощь которого 35 лет тому назад немало способствовала успешному сбору описываемых данных.

---

[29] См. также В. С. Стариков, *Материальная культура китайцев Северо-Восточных провинций КНР*, М., 1967, стр. 113—114.